



Екатерина РУДИК

**ДИРЕКТОР
ОХОТСКОГО МОРЯ**

ЗАКУТАВШИСЬ В ПЛАТОК и пододвинув стол к печке, Эля проверяла школьные тетради, а я ремонтировала разбитое окно. С утра на поселок обрушилась пурга. Вернулись с работы, ветер по комнате гуляет – стекло по линии застарелой трещины выбито, занавеска пузырем к потолку вздулась. И вот, когда я натягивала на раму старенький свитер, в коридоре послышались шаги, и понарошку басовитый, но явно знакомый женский голос весело спросил:

- Здесь живут самые красивые девушки Охотска?

Дверь отворилась, и на пороге появилась Ирина Слесарева, моя коллега, санитарный врач и закадычная подруга. Высокая, в потертой кожанке, шапке-ушанке, она огляделась.

- Ну и холодище у вас. – И критически, словно пришла не в гости, а проверить санитарное состояние объекта, добавила: - Я бы сказала, царит антисанитария. Хоть протокол составляй.

Мы смутились: у печки рассыпанные дрова, на плите в ведрах снег, его таяли, а что делать – колодцы в поселке перемерзли. Конечно, у Слесаревой квартира с удобствами. Она работает здесь семь лет, стала главным санврачом – на севере специалисты быстро растут, а сначала и ей пришлось вот так с печкой пожить. Видя, что мы не в восторге от ее вступительного слова, Ирина как ни в чем не бывало продолжала о другом:

- Давайте гонять чай и говорить разговоры. – И выложив на стол пачку дефицитной индийской заварки, торжественно продекларировала: - На охотскую землю приходят ноябрьские праздники, а посему я к вам с поручением от неких лиц. Каждый из них – Аполлон Бельведерский. Вы приглашены в полном составе. Нужно продумать праздничное меню.

Мы засыпали в чайник снег и, пока он таял, и закипала вода, планировали, что и сколько купить. Слесарева усердно трудилась над листочком. Под крупным заголовком «Праздничное меню» столбиком выведено - «закуски, горячее, сладкое» и не расшифровано, только прочерки. Это и понятно, фирменная северная продукция – консервные банки, вместо вин, шампанского, взрывающихся от мороза в открытых складских помещениях, - спирт. Но гостя приписала к меню – шампанское, пельмени из оленьего мяса. И даже яблоки.

- Где мы их достанем?

Ирина невозмутимо пояснила:

- Завезли. И лимоны будут. Я уже договорилась. Витька Морозов, старпом на «Кухтуе», ты его знаешь. Так он в Новое Устье наведается, за фруктами. Ну, как, директор?

Меня почему-то звали «директором» Охотского моря. Я давала «добро» на выход судов в море – флотский санврач, хотя окончила лишь медучилище. И в Хабаровске, в «Главдальвостокрыбпроме», перед отъездом в Охотск, вручая печать, бланки документов, меня предупредили, что восточное крыло побережья бесконтрольно со стороны санитарной службы, и я должна решать вопросы государственной важности самостоятельно. И действительно, телеграммы, служебные письма с новыми нормативами адресовали, вероятно, для пущей важности, «Санитарному врачу Измайловой».

А КЕМ Я, КАК СПЕЦИАЛИСТ, была в Хабаровске? Девочкой на побегушках. В хабаровской городской санэпидстанции, где работала, каждый сотрудник, кто постарше или имел диплом врача, мог послать на самое неблагодарное дело: брать смывы на загрязненность пищевого объекта или анализы контактных бациллоносителей, бросить на подмогу лаборантам. По характеру совсем не кроткая, не желающая быть как все, тяготилась однообразной, скучной возней с чашками Петри.

Что я искала, что ждала? Прожигала жизнь. А как же иначе назвать эти ежевечерние, бездарные «выставки» пижонов и чувих, разгуливающих по Карла Маркса, а я – в первых рядах. Мне прилично надоели шумные сходки на танцверанде, эти лошенные Эдики, Альберты, с кем, впрочем, я так отплясывала буги-вуги, что приводы в пикет милиции уже не шокировали, и замечания блюстителей порядка носить юбку подлинней, танцевать поскромней игнорировала. При первых звуках возбуждающего: «Зиганшин – буги, Зиганшин – рок, Зиганшин скушал свой сапог» вступала в круг, выделявала вензеля, и не страшилась пикетчиков. Конечно, было весело. А между тем, спрашивала себя, неужто я та самая птичка божья, что не знает ни заботы, ни труда. Ведь есть другая жизнь – строгая, трудная, где люди не прозябают, и каждый день наполнен смыслом, значением. Уехать куда угодно – в глушь, тайгу, только бы чувствовать: преодолевая, поднимаешь что-то весомое, несешь и тебе хорошо. И я подписала с «Дальвостокрыбпромом» трудовой договор на три года.

НА ОХОТСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ это был мой первый праздник, и хотелось его встретить ярко, запоминающе. Но кто приглашен, оставалось инкогнито. Ирина называла каких-то Сережек, Александров.

- Кроме нас, лучшую половину Охотска будет представлять Полиночка. Мы с ней отвечаем за пельмени, а вы закупите консервы. Итак, собираемся у меня седьмого.

Поболтав о том, о сем, но не упомянув в присутствии Эли о недавнем конфликте с приемкой в эксплуатацию новой бани, Слесарева влезла в свою длиннополую кожанку и на прощанье пропел наш гимн «Так вот она какая, Охотская земля», картинно распрощалась.

«Значит и лаборантка Полина будет», - тревожно мелькнула мысль. Но бесследно улетела, ибо не успела за Ириной закрыться дверь, мы с Элей, не сговариваясь, кинулись к своим чемоданам, извлекать и примеривать наряды, выбирая лучшее. Но ничего особенного, чем можно было поразить неведомых Аполлонов, я не нашла. И принялась распаковывать тюк. Четыре месяца он провалялся на почте, забирать было некуда. Управляющий Охотским рыбтрестом, который, согласно трудовому договору, должен был обеспечить санитарного инспектора жильем, не отказывал, но и не обещал. И я полгода занимала койку в тесном номере гостиницы на шесть человек, где люди менялись, как пассажиры на станции метро, что и лиц не запомнишь.

ЖЕНЩИНЫ ШУМНО ВСЕЛЯЛИСЬ, быстро знакомились, исчезали на весь день, чтобы вечером вернуться и продолжить спор о преимуществах тузлучного способа посола рыбы, нового уборочного цеха и сомнительных победителей соцсоревнования. А потом кто-нибудь из них мечтательно говорил: «А что, бабы, не сходить ли нам в ресторан?». Рестораном в Охотске называли столовую, где по вечерам подавали фирменные отбивные из оленины «Огни Охотска» и играла музыка. «В райцентре быть и в ресторан не сходить, - подхватывала другая. – Аль мы денег мало зарабатываем». И здесь начиналось! Из чемоданов, сумок извлекали лакировки, бигуди, у гостиничного квадрата зеркала – толчея, делали друг другу прически. И всей гурьбой с шутками, смехом, с надеждой что их ждет почти что столичный «Метрополь», вываливались из номера, чтобы завтра ранним утром уехать незаметно, тихо.

А я оставалась. Дождавшись относительной тишины, перешагивая через спящих в гостиничном коридоре, шла в умывальник. Стирала под единственным краником белье и до

полночи слышала, как шумит у стойки администратора прибывающий с рыбацких поселков неугомонный люд, требуя крова. И по сей бы день мне пребывать в гостиничной суе, пока случайно не встретила на почте подругу по хабаровской школе Элю Леонтьеву, и та предложила переехать к ней жить в учительскую квартиру. Я не торопилась, не хотела быть в тягость. Но она сама заявила ко мне в гостиничный номер. Посмотрела на бельишко, что сушилось на спинках кровати, на табуретку вместо шкафчика и сказала без обиняков: «Собирай вещи. Вместе донесем».

Вот тогда с почты я забрала тюк, посланный мамой из Хабаровска. Все сроки получения его прошли, и начальник почты грозился содрать втридорога за хранение. Обошлось. Да вот времени не было распаковать. В нем подушка, простыни, пахнущие домом, мамиными руками, зимняя одежда и даже коньки с чехлами. «Милая, наивная мама, - с нежностью думала я. – Ты поверила моим рассказам, что здесь все так же, как в большом городе, на материке. Сейчас в парках Хабаровска – листопад, а у нас Кухтуй уже замерз. В сорокаградусные морозы носа не высунешь, какие тут коньки под музыку пурги». Да и не до катков здесь, не до развлечений.

СРЕДА ОБИТАНИЯ оказалась даже круче той, что рисовало мое воображение. Неустроенность, аскетизм. Вместо асфальта сухая, тяжелая галька. Суровые, сильные, неразговорчивые люди, делающие свое трудное дело, когда все радости бытия, надлежащие по долгу и труду, откладывались на отпуск – один раз в три года.

Мне был доверен флот, рыбозаводы. Объем новой работы – безразмерный. Кроме плановых, ежемесячных проверок судов, а одних только «жучков» около ста, не считая морских буксиров, барж, я контролировала санитарное состояние рыбозаводов, качество выпускаемой рыбной продукции. Имела право закрыть из-за антисанитарии цех, даже завод, списать тонны некачественной рыбы, при этом ответственность за возможные ошибки несла в единственном числе. И никаких скидок на молодость, неопытность.

А романтики – ложками ешь. И поначалу неосознанно упивалась своей властью. Посмотришь со стороны – экзотическая картинка, в центре которой липовый флотский санврач, то есть я. В модных брюках с молниями, берете, в пестрой куртке, будто на Карла Маркса в Хабаровске выхожу на пирс. Нужен «Охотчанин» или «Кухтуй», приказным жестом машу рукой: «Охотчанин», к пирсу!». И морской буксир, огромный, важный, подходит к 18-летней девчонке. Моряки опускают трап, на палубу выходят поглазеть любопытные – весь экипаж, и сам капитан подает руку, а я, будто королева, вступаю на палубу.

Надо же придумать такое – первый визит на судно, составляю акт проверки, а матросы на полном серьезе подсказывают: «Так и пишете: «морская пыль». И проконсультироваться не у кого, может и впрямь есть такой термин у моряков. Все учебники по санитарии перерыла, не нашла. Как бы ненароком спросила у Слесаревой, но та в ответ только рассмеялась, пояснив, что матросы молодого специалиста вводят в заблуждение.

Но все это было сначала. Сейчас, когда я появляюсь на пирсе и подзываю тот же «Алмаз» или «Верный», капитаны судов дают команду поднимать якорь и отходят подальше от берега. Я знаю, почему разбегаются. Просто я была не настоящим «директором» Охотского моря. Профан в морском деле и, чего таить, не имела представления, где хранится «НЗ» и важно ли знать, сколько на случай беды судна в неприкосновенном запасе продуктов.

Не сразу, но усвоила, что чистота кают дисциплинирует экипаж и второй дом моряка должен быть уютным и радостным. Потому, завидев меня на пирсе, «жучки», морские буксиры уходили в море. Там, вдали от берега, старпом объявлял аврал – вся команда драила палубу, наводила лоск. Знала, что после этого можно не заглядывать в кубрики и трюмы – все блестело. А мне хотелось, чтобы такая чистота была не от проверки до проверки, а всегда, особенно, когда моряки далеко от родных берегов.

Впрочем, как говорила мудрая Ирина, мечтать никому не вредно. У экипажей судов бывает такая горячая работа, что им не до умывальника и начищенных кастрюль. Санврач должен это понимать. Я и не обольщалась как на этот счет, так и по поводу изысканной публики, с кем предстоит встречать праздник и которую так заманчиво-интригующе рекламировала Ирина.

И откуда здесь могут взяться Аполлоны? Что-то не замечала. Жили мы с Элей одиноко и гордо. К ребятам морпорта относились официально. В этих брюках-клеш и с манерами флибустьеров они казались развязными, пустыми насмешниками. Даже старпом на «Кухтуе» Виктор Морозов, с глазами орехового цвета и, очевидно, поэтическая натура – я поразила, увидев моряка с мольбертом на берегу Кухтуя, - все лето не снимал с себя выгоревшей тельняшки

и, кажется, гордился этим. Однако приятно, что замечены и приглашены. А я-то думала, что в Охотске вообще нет интересных ребят.

ТАКОЙ ВЫВОД Я СДЕЛАЛА, когда Ирина однажды вытащила меня на танцы в районный дом культуры. Невооруженным глазом было видно, что девчат вдвое больше. Под ураганную музыку «Парамарибо» и тоскующую «Се-си-бо» девчоночьи взгляды устремлялись на группу парней и замирали на юноше с раскованными движениями в ярком, с высоким воротом свитере. К моему удивлению, он подошел ко мне: ангельское лицо партнера напоминало красивого, белокурого крепыша, с которого художник срисовал картинку на коробочку из-под зубного детского порошка. В первую же минуту узнала, что москвич, у него на материке машина и сам он чуть ли не вице-адмирал! Потом почему-то спросил не как зовут, а кем работаю. И со значением добавил: «Я же должен знать, кого сегодня пойду провожать». Все это мне не очень понравилось, и я ляпнула: «Коком на «жучке» работаю, понятно?» Он поморщился, буркнув: «Не ожидал, а я перед поваром бисер мечу». Больше танцевать не приглашал, затерялся в толпе, провожать не пошел. Возвращалась в гостиницу с танцев одна. Зато у Слесаревой всегда попутчиков с избытком. И то, что на праздник будет пирушка, безусловно, ее инициатива.

Разложив вещи по местам, отложила пару платьев, и, решив, что завтра капитально займусь проблемой праздничного облика, зажгла ночник. Завтра выходной – можно спать от души. И завернувшись, как кошка, под одеяло, подумала, до чего хорошо, уютно. За многие месяцы пребывания это был первый покойный, как в родительском доме, вечер, обещающий радость засыпания, где в ночную, теплую тишину знакомо вписывалось тиканье будильника. Я любила эти минуты перед сном, когда можно в мелочах припомнить прожитый день, что было в нем хорошего, а что – пустого. Да еще рядом такой хороший человек, как Эличка. Она склонилась над шитьем, взамен воротничка приделывает пышное, белоснежное жабо к старенькому, выдавшему виды голубому платью. Готовится к празднику.

- Ты слышала, к ноябрьским баня новая открывается? Весь Охотск об этом говорит. – Не догадываясь о том, Эля затронула для меня болезную тему: свою подпись на акте о приемке бани я не поставила. И тем, наверное, скомпрометировала себя.

Прежде чем присоединиться к многолюдной комиссии, куда я была вписана задолго до своего приезда, благоразумно проштудировала санитарно-технические требования к строительству бань. Собравшиеся не скрывали удовольствия, взирая на фойе, по-праздничному украшенное кадками с фикусами, восхищались моечными отделениями из белого и голубого кафеля, столиками из мраморной крошки. Председатель райисполкома светился улыбкой, как именинник: «Вот какой подарок охотчанам преподнесем к революционному празднику!» А я нарушила всю эту идиллию, словно в атаку бросилась, спросив: «Почему внутренняя разводка из не оцинкованных труб?»

Что тут началось! Я, де, новичок на побережье, не имею понятия, какими усилиями досталась новая баня. А тут какая-то девчонка придирается. И вот, когда шум поутих, все взоры обратились к главному санврачу, к моей Ирине Слесаревой. Она смутилась и как бы извиняющее произнесла:

- Представитель санитарной службы «Главдальвостокрыбпрома» права. Конечно, согласно ГОСТу, нужны оцинкованные трубы водоснабжения. Да где их сейчас возьмешь?

- Вода-то не питьевая, а для омовения, - облегченно подхватил предрика. И уже строго заключил: - Охотчане не скажут нам спасибо, если мы снова задержим ввод в эксплуатацию бани. Сейчас, когда Кухтуй гонит льды, и связь с материком надолго прервалась, откуда мы можем взять эти трубы? Раньше надо было думать. Прежде всего санэпиднадзору, - кивнул он в сторону нахмурившейся Ирины. Но через минуту она уже улыбалась, подписывая акт. Счастливый, легкий у Ирины характер, мне бы такой.

Вдевая нитку в иголку, Эля мечтательно произнесла:

- Баня-то с парнушкой? Торжественно будут открывать. Представляю, красная ленточка, ножницы, толпа с вениками, аплодисменты, вот попаримся.

- Попаримся, - нехотя подтвердила я и отвернулась к стенке, делая вид, что засыпаю.

А радости засыпания, как прежде, в беспечном родительском доме, не было. Зная санитарию лишь по учебникам, можно кучу ошибок натворить. Новая работа предлагала такие хитроумные задачки, ответы на которые ни одно учебное пособие не даст. Вот и не учла специфику севера, к трубам придралась. Но я же права – через годик охотчане будут омываться

ржавой водой. Конечно, обидно, что с твоим мнением не считаются. Наживу ли я здесь авторитет? Сколько уже дров успела наломать. Сначала эта история с новой баней, потом чуть людей не отравила.

ЭТО ПРОИЗОШЛО в первой же краткой, но впечатляющей командировке на Октябрьский завод. Сюда меня срочно откомандировали установить сортность рыбы. Пока добиралась по зимнику часа два на санях, запряженных лошадкой, мороз пробрал до костей. А когда въехали в поселок, я, окончательно замерзшая, даже не могла справиться с дверной ручкой конторской двери – перчатки из кожзаменителя не сгибались. С порога прямо к пылающей печке, у которой грелись рабочие. Немного придя в себя, объяснила, что приехала посмотреть рыбу и нужно бы разыскать начальство.

- Начальство мы и есть, - обрадовался старик в тулупе, шапке-ушанке набекрень, скорее похожий на сторожа, чем на начальника цеха. Его прибаутки, обращение ко мне: «девонька», «доченька» настораживали. Ух, и дед. С ним надо ухо держать остро. Обведет вокруг пальца. И для страховки скрупулезно сверила все акты. По первоначальным документам рыба значилась первым сортом. Но то ли технологию посола нарушили, то ли хранилась в неудовлетворительных условиях, все сорок бочек продукции по органолептическим вкусовым свойствам не тянули и на второй сорт. От меня ждали сиюминутного решения: написать акт, поставить печать и подпись. Но я медлила.

Первое время, прежде чем определить сортность рыбы, подряд все пробы отвозила в лабораторию, а если транспорта не было, таскала на своем горбу. Так что заведующая, она же лаборантка, скуластая, бесцветная, но с умненькими, как у учительницы, глазами молодая женщина Полина с печальной фамилией Сирота взмолилась: «Я только на вас работаю. Приносите в лабораторию только то, в чем сомневаетесь». У меня тогда чуть не сорвалось с уст: «А я во всем сомневаюсь. Мне бы твой опыт. Ты на рыбе собаку съела, а я без году неделя, как работаю». Но промолчала. Ссориться нельзя. Без Полины боялась шагу ступить: из лаборатории анализа есть – с меня взятки гладки, вся ответственность перекладывалась на Сироту. Но так продолжаться больше не могло. Пора отбросить сомнения и проявить твердость.

С помощью начальника цеха и подоспевшей сторожихи, глазастой Феньки скрупулезно, как того требуют учебники, извлекала кетины из центра, снизу каждой бочки: у всех брюшки слежалые, на них выступила соль. И впервые без всяких анализов самостоятельно выписала акт на рыбу, квалифицируя ее третьим сортом. Это значит, завод недовыполнит план по качеству, людей лишат премии, будут обиженные. Но видя, что заинтересованная сторона, начальник цеха не выказывает особого сопротивления, поняла, что поступаю правильно.

Однако на этом мой визит на завод не закончился. Уже собиралась покинуть цех, когда дед, оставив ерничество, робко заявил: «Доктор, у нас осталось пять бочек икры». Я про себя ругнулась. И снова пришлось вскрывать каждую бочку. Видела, икринки деформированы, сок вытек, если списать, платить будут виновные, вот этот дед. А вдруг икра съедобная и в документах пройдет как пищевая, тогда спросят с меня. Ничего не оставалось, как брать пробы.

Принесли пергамент, икру тщательно упаковали. А на хранение оставили в сенцах домика сторожихи, глазастой Феньки, крикливой бабенки, что крутилась неотлучно возле нас. На ночевку дед отвел меня к местной фельдшерице. О, эту ночь я не забуду.

ОКТЯБРЬСКИЙ – это вразброс стоящие хрупкие домишки, с целлофаном на окнах, огражденные штакетником, над которыми возвышаются выше крыш сложенные и наколотые дрова. Уже смеркалось. Ветер усилился, бил в лицо, сотрясая целлофан. Темнеющее, тревожное небо обещало недоброе, и поселок, казалось, сжался в ожидании непогоды. «Снег будет. А может пурга. Все кости ломит», - вздыхая, вот уже который раз напомнил дед, открывая калитку. Из всех домиков разом дымились трубы и только в одном, с покосившейся дверью, куда привел меня спутник, труба не дымилась, но огонек в окне горел. Мы оказались в пустой, мечта гимнаста, комнате, где пол с неровными, скрипящими половицами был чисто вымыт и являлся как бы главным предметом мебели.

У печи на корточках сидела девчушка с косичками и добросовестно дула в поддувало. Накинутае на плечи зимнее пальто с заячьим воротником сползло, падало, она, не глядя, снова натягивала его на плечи. «Марийка, доктора согрей и накорми. Дров тебе привезли? Так не жалеи». - «Печку не переложили. Никакого тепла от нее». «Чего ж раньше молчала? Плитку включи» - и с этими напутственными словами дед оставил нас в натуральном морозильнике, о котором я

поначалу не догадывалась, наблюдая как Марийка вдогонку сделала рожицу, при этом косички смешно колыхнулись. «Плитка сутками горит, а словно лампочка, не греет. Ой, не снимайте пальто, еще холодновато». Ничего себе «холодновато» - натуральное холодище, как в открытом цехе, подумала я. Протянула к печке руки и – одернула, как металл на морозе. Каково же было мое удивление, когда увидела, что огонь в печке бушевал. Что это с ней такое? «А ну-ка, печка, согревай!» - подхватила Марийка. Бесстрашно сбросила пальто, и оставшись в свитере, выскочила на улицу. Неизвестно чему смеясь, тотчас вернулась с охапкой дров. «Пурга начинается. Ох, метет», - весело с шутками подбрасывала дрова. Лед в чайнике не таял. Схватив его, побежала к соседям.

Я осталась одна. От дыхания пар. И будто стол, этажерка, полы, сам воздух в комнате заледенели. За стеной гудело, выло, в окна кто-то методично швырял горсти белого песка, а в комнате звенящая тишина да несерьезное потрескивание печи. Пыталась читать книгу, но от озноба не могла сосредоточиться. Злилась на долгое отсутствие хозяйки: когда Марийка хлопотала рядом, будто от ее присутствия исходило тепло. Как она здесь живет – и ни жалоб, ни стенаний. Потрясающая девчонка.

Беспечная веселость молодой хозяйки, притащившей от соседки кипящий чайник, а в миске горячий картофель, невольно передалась и мне. За чаем узнала, что Маришка, моя ровесница, тоже закончила медучилище, но в Николаевске. На Пограничном она единственный медик. И хирург, и терапевт, и акушерка. «А какие в этой глуши радости?» - не выдержала я. «Какие? У меня соседи хорошие, я у них, как своя. Скучать некогда. У меня ведь все учебники для мединститута есть. Не теряю надежды, что поступлю». Марийка снова исчезла, появилась с огромным утюгом, напевая, набрала совком горячих углей, умело сыпала их в утюг, долго водила им по простыне, пододеяльнику и приказала: «Пальто сбрасывайте и в чем есть в кровать». Потом осторожно из чайника перелила оставшуюся горячую воду в бутылку, заткнув ее пробкой, положила мне под ноги. И как бы извиняясь, пояснила: - У меня и грелка есть, но она в медпункте нужнее. Бутылка вполне заменит. Вот какой я рационализатор». Сама же легла прямо в пальто. И уже в темной комнате прошептала: - Давайте сказки рассказывать. Баба Анна много знает. С какой начнем? Жил-был в некотором царстве, распрекрасном государстве принц, а за горами, за дремучими лесами жила принцесса...»

Утром мы не могли выбраться из домика, нас завалило снегом. Юная хозяйка, зовя на помощь и стуча в двери, не могла успокоиться: «Это же надо, не получилось из меня рационализатора» - ее согревающая бутылка превратилась к утру в прозрачную ледяную гранату. А за ночь навалило столько снега, что откапывала нас баба Аня. Она же кормила завтраком, ругаясь: «Поселили девчонку в морозильник. Печку не переложили. Зима только начинается. Что в декабре будет? Другая бы все бросила и сбежала». - «Ну что вы, баба Аня. Из-за неисправной печи уезжать. Смешно. Зима долгая, переложат». - «Вот она такая, - вздохнула баба Аня. – Все ей нипочем».

Вот это меня и восхитило в Марийке, что все ей нипочем. Ведь ровесница, а сколько в ней девчоночьей отваги, такая может жить и в тундре и на полюсе. Нет, эта девчонка не должна сидеть одна в праздничные дни. Пусть Ирина ее вызывает в райцентр на 7 ноября.

А в Охотске, в лаборатории, куда не заходя домой, поволокла пронумерованные пробы, меня ждал удар. Но поначалу Полина, кутаясь в пестрый шарф, встретила на удивление приветливо: «Кончились странствия Одиссея? Ну, как вам земля Охотская? Неприютна, холодна? Но только на первый взгляд. Я слышала, вы у Эли Леонтьевой поселились, вам повезло. А почему пробы не опломбированы? На первый раз прощаю. Но без пломб больше принимать не буду. – Поколдовав над икрой, предложила: - Могу сегодня же оформить документы. Удивляетесь, что быстро. Икра не пищевая и вот почему, полежит минут двадцать в тепле, и вы убедитесь, что она с запахом. Продукцию надо списывать». И тут раздался телефонный звонок. Я не вслушивалась в разговор, только видела, как мрачнеет лицо лаборантки. Положив трубку, Полина озабоченно сообщила: в Октябрьском серьезное отравление. Двое госпитализированы. Ты кому оставляла пробы на хранение? – Я изумилась, при чем здесь мои пробы. – А в том, что пострадавшие поужинали твоей икрой. Вот последствия безответственности». Она еще долго рассуждала на эту тему, а я виновато-растерянно лишь попросила: «Можно позвонить в медпункт, на Октябрьский?».

Поселок вызвали быстро. Веселый запыхавшийся голос спросил: «Кто говорит? Я вас узнала. Что случилось? Пьянствовали они. А икру Фенька у вас ополовинила, сама призналась. С

ее сожителя как с гуся вода, промыванием ограничились. У Феньки отравление вызвало обострение язвенной болезни, пришлось ее транспортировать в Новое Устье».

Бесхитростный рассказ Марийки на недолго успокоил. И как ни пыталась я пересказать сообщение фельдшерицы, Полина была неумолима, грозя написать докладную, будто бы пломбы на пробах остановили пьянчуг. И эта гримза будет на празднике. Но почему Слесарева с ней так носится? «Полиночка», видите ли. С этой мыслью я уснула.

«СЕМЬДЕСЯТ, ВОСЕМЬДЕСЯТ, ДЕВЯНОСТО» – четко слышалось в тишине комнаты, наполненной утренним, холодным светом, льющимся из окна. Откуда это? Радио? Штепсель выключен. Я бросила взгляд на спящую Элю, вспомнила и в сердце бухнула радость – скоро праздник и мы приглашены. А женский близкий голос, будто кто-то сидел под кроватью, с увлеченной добросовестностью продолжал: «Сто тридцать, сто сорок». Досчитал до двухсот и, довольный, замурлыкал песенку.

- Проснулась? Слышала? – неожиданно не сонным голосом спросила Эля. – Соседка деньги считала. Муж, он у нее шофер на автобазе, зарплату получил.

Через несколько минут на той стороне дома хлопнула дверь, и мимо окон промелькнула женщина средних лет в пальто цвета какао и в шляпке. Эля прокомментировала:

- Пошла в сберкасса, относить вклад. Здесь, не выходя из комнаты, имеешь полную информацию о жильцах дома. Ну, давай, подруга, подниматься. На часах десятый. К обеду пойдём на «Кавказ», где снег, горы, детям обещала. Присоединяйся. Сейчас я печку растоплю, а ты сходи за водой, снег у нас будет по будням. Колодец в десяти метрах.

На пустынной, заснеженной дороге я ничего не увидела, что бы напоминало деревенский колодец. О нем знала лишь по книжкам, привычен был городской кран с горячей и холодной водой. После долгих поисков обнаружила ледяное возвышение, настолько замерзший колодец, что в него едва пролезало ведро, а воды извлекла на доньшке. Так что пришлось стать на колени.

С моря дул влажный, тепловатый ветер, как перед дождем в Хабаровске. Но здесь, совсем рядом, за домами лежало море. Вода не набиралась в ведро: ни наклонить его, ни с размаха бросить. Я уже потеряла надежду принести хотя бы полведра, когда мимо медленно проехал «газик» и, приоткрыв дверь кабинки, мужчина в кожаном пальто спросил:

- Вы не знаете, где живет санврач Измайлова?

- Я Измайлова.

- Вот повезло. Мне вас и надо. – Он легко выпрыгнул из кабинки, подхватил ведро, глянул в него, невесомое. – Минуточку. – И пока набирал воду, при этом ведро звучно шлепнулось и вернулось полнехонькое, успел рассказать, что к чему: - Я вас с утра разыскиваю. В гостинице сказали, что вы была. Куда, спрашиваю. – К молодой учительнице. Обьездил все учительские квартиры. Осталась Элла Георгиевна, класный руководитель моего сына, а я побаиваюсь ее. Строга. – И уже ставя ведро на крылечко, сообщил: - На рейде стоит теплоход «Ижма», приписки Владивостокского морпорта. Разгружает цемент. Необходимо ваше присутствие. Одевайтесь потеплей, обещают морозы, - крикнул он вдогонку.

- Надолго? Так ты же не завтракала, - засуетилась Эля, узнав, что уезжаю.

- Не привыкать. Машина ждет. Когда вернусь, не знаю. Может к вечеру. – И собирая на скоростях тревожный портфель с документами, вспомнила: - На всякий случай, если задержусь, передай Ирине, чтобы медсестру Марийку из Октябрьского на праздники вызвала.

НО ЭЛЯ ВСЕ-ТАКИ УХИТРИЛАСЬ положить в сумку бутерброды. Я обнаружила их, сидя в тесном кубрике «жучка», когда доставала ручку, чтобы заполнить санитарный журнал «Решительного» впрок. И стало тепло от этой неожиданной заботы подруги. В иллюминаторе «жучка», везшего нас к «Ижме», было видно, как уплывал предпраздничный Охотск, бились мелкие волны, катер напряженно дрожал, пахло соляжкой.

Сверху спускался кок Лиза Черняева. В прошлый раз пришлось выписать на ее имя протокол о нарушении санитарных правил: кастрюли закопченные, сама ходила в грязном халате, с распущенными волосами, без косынки. «Подписывать протокол не буду! – кричала тогда Лиза. – Я здесь не на балу, а кастрюлями ворожаю. Халатов не напасешься».

- На бал в чем угодно можете являться, а коль ваше рабочее место – камбуз, обязаны носить чистую спецодежду. – И пригрозила: - В следующий раз вместо протокола выпишу штраф.

Но до штрафа не дошло. Сейчас Лиза блистала белоснежной курткой, высоким накрахмаленным чепчиком и была просто прелесть. Подбодрив кока «Ведь можно в чистоте жить»,

догадывалась, что о визите санинспектора экипаж был осведомлен и, конечно, постарались навести шик-блеск. Придирки здесь неуместны. Недостатки, указанные в прошлом протоколе, устранены. При этом Елизавета продолжала выказывать самые сердечные знаки внимания:

- Доктор, хоть во все уголочки камбуза загляните – чистота кругом!

- Вот только пыль морская, - раздался с верхней полки знакомый голос, и на меня упал теплый пестрый шарф. Он принадлежал Полине, четко помню, всегда куталась в этот шарф, но неужели лаборантка могла оказаться на судне? И вот она собственной персоной. Спускается с верхней полки. «Вы что? Тоже на «Ижму»?» - удивилась я. Не отвечая прямо на вопрос, Полина улыбалась, при этом глаза у нее стали добрыми, как у любимой учительницы:

- Не ожидала. Вас побаиваются. Уже час здесь торчу, а кокша тряпки из рук не выпускает. Ждет ваше величество. Что ж, так держать и впредь. Будем считать, что отсутствие пломб на пробах – досадное недоразумение и урок на будущее. Договорились? А я направляюсь на Иню. Сейчас на «Ижме» загрузимся и к мамке Ольге, хоть на пару часов, поздравить да вот подарки вручить.

- У вас здесь мама?

- Родной нет. И не знаю ее. А жизнь мне спасла Ольга. Здесь это было, на побережье.

Кубрик опустел. Я слушала Полину, прихлебывая чай с кусочками сахара-рафинада, которые предупредительно подала нам на подносе Елизавета, и не переставала удивляться жизненным переплетам, в которых оказывается девчоночья судьба.

- Мне было столько, сколько тебе, когда в Охотск приехала. Пренебрежение к географии всю жизнь мою перевернуло, сыграв злую шутку. Нам, молодым специалистам рыбной промышленности, предложили – Охотск или Находка, а то, что один пункт на севере, другой на юге, представления не имели. Сидим с подругой на скамеечке, на незнакомой привокзальной площади Хабаровска, гадаем. А рядом дядька, приличный, не пьяный, с портфелем. О чем, спрашивает, спорите? Рассказали, дурочки. Он и советует, чтоб ему пусто было: «Про Находку не знаю, а вот в Охотске огурцы, помидоры выращивают и везут в Хабаровск». Да к тому же в Охотск на самолете лететь будем, обрадовались мы. В отделе кадров требуем – направьте в Охотск. И оказались на пустынном галечном берегу. Там и ночевали, у костра, в ожидании транспорта, замерзли как цуцики, а было это в июне 1953 года.

Назначили меня – только паспорт перед самым распределением получила, мастером цеха. Приказ директорский есть, а я в закрытый цех попасть не могу. У прежнего мастера белая горячка, ключи не отдает. «Соплячка. Кто такая? На мое место? Куда тебе до мастера. Прирежут. Так тому и быть» - и бросил мне ключи.

Могли прирезать. В тот год на путину, а были такие богатые уловы, каких история побережья не знала, с Колымы гнали отбросы общества, человеческая жизнь для них копейки не стоила. Поселили амнистированных женщин в барак, три дня на устройство дали. Директор боялся к ним идти, а надо. Ступили на порог и отпрянули: одна, в чем мать родила, вышагивает по столу, демонстрирует наколки от плеч до пяток, на ягодицах две совковые лопаты уголек подбрасывают, полуобнаженные товарки едва ее утащили за занавеску.

Как мне, девчонке, с такими работать, они ничего не понимают без матов. Директор и тот говорил: «Жаль мне твоей юной жизни, Полинка». Уехала бы я в ту первую свою страшную путину на материк, если бы не тетя Оля. Она была авторитетом среди экашников. К тому же хорошо знала счетную работу. Властная, волевая, как Васса Железнова, а ко мне расположилась, напьется и свою потерянную дочь вспоминает, будто похожа я на нее. А главное, на погрузку рыбы со мной ездила, там на баржах мужики голодные до баб. И от каких только бед меня не оградила. Один рецидивист покоя мне не давал. Придет в контору, где я наряды выписываю, сядет и ножом поигрывает. Ольга тут как тут, прижмется к нему, и уходят в обнимку. Не раз меня проигрывали в карты. И Ольга шла на нож. А сейчас стала старая. Ей бы на пенсию, да уехать некуда. Дочь свою так и не нашла. И кроме меня у Ольги ни одной родной души. Как же ее можно оставить?

Я смотрела на Полину изумленная. Так вот она какая, лаборантка Сирота, всегда в белоснежном халатике, неприступная. Прошла такие испытания, которые бы меня смяли, сломали. А всего-то на лет семь старше. Но почему она-то одинокая? Я еще тогда не знала, что мужская половина этого поселка на берегу холодного моря самоотверженно трудится, ведет здоровый образ жизни только благодаря хранительнице очага – Женщине. У кого очаг есть – все ладится. Но мужчина пускается во все тяжкие, когда долго его никто не ждет. Женщина переносит

одиночество терпеливей. И Полина встретит свое трудное счастье очень скоро, на нашем торжестве...

Катер подходил к «Ижме». Покидая уютный кубрик, спохватилась:

- Ты успеешь вернуться к седьмому?

- Уже сегодня вечером буду в Охотске. Нам ведь с Ириной еще пельмени лепить. — И провожая меня на палубу, кутаясь на бешеном ветру в шарф, добавила: - А вот ты вернешься ли? Во всяком случае, будем ждать.

Я и в мыслях не допускала, что задержусь на «Ижме».

«РЕШИТЕЛЬНЫЙ» ПОДОШЕЛ К СУДНУ, а пристать не может: борта огромного теплохода вплотную облепили «жучки», плашкоуты, баржи, чуть не весь морской флот Охотска. Все это тревожно раскачивалось, борт бился о борт. На палубе «Ижмы» суетились люди, судовые лебедки несли в сетках мешки, что-то просыпалось. Голос приказывал:

- Вира помалу! Вира веселей!

Откуда-то сверху подали трап, он вытанцовывал на подвижной палубе «жучка», а мне предстояло уцепиться, и по нему взобраться на корабль. С возгласами: «Смелей! Не бойтесь!» меня стали подталкивать к обледенелой, трепещущей в такт зыби перекладине трапа. Ноги соскальзывали, я, как акробатка, висела в воздухе, а под ослабевшими ногами шумело море. Превозмогая страх, не глядя в бушующую бездну, преодолела еще пару перекладин. С палубы «Ижмы» наконец чьи-то мужские руки подхватили, поставили на твердь.

Оглушенную пережитым и царящей суматохой, меня привели в каюту. И я замерла, вмиг забыв о коварном трапе: лампы дневного света озаряли полированные стены, тахту, глянцевую голубизну раковины, с пяточками красными и желтыми – гор. и хол. вода. Цивилизация! Не успела осмотреться, насладиться, в дверь постучали. Вошел главный инженер треста Николай Степанович, элегантный, с легким прищуром любознательных глаз.

- Позвольте присесть, так вот, Катя-Катюша, обстоятельства складываются следующим образом. Сейчас на «Ижме» выгружают цемент. Вы должны осмотреть трюмы и, если вас удовлетворит их санитарное состояние, дать «добро» на загрузку рыбы и выход судна в море.

По учебникам мне было известно, что в трюмах, в которых перевозится цемент, запрещается хранить продукты. Попробовала возразить, но инженер прервал:

- Да, знаю, не рекомендуется. Но у нас не вывезено полторы тысячи центнеров рыбы, не успели. Навигация заканчивается. «Ижма» последнее судно. Без вашей санкции Владивосток «Ижму» не примет. – Он помолчал. – Пробудете здесь до восьмого ноября. – При этих словах сердце мое упало, заныв. А Николай Степанович продолжал: - Что ж, праздники будем встречать здесь, на рабочем месте. Потом возьмете отгулы. Мы тоже остаемся. Грузчики взяли обязательство обработать судно на сутки раньше. Да вот погода разыгралась.

Николай Степанович раскланялся и вышел. Вот тебе и праздник, светлый, запоминающийся. И каюта утратила свою прелесть. Перспектива провести праздничные дни без своих девчонок, даже в этой золотой клетке, совсем не радовала. В иллюминаторе плескалась черная вода.

Когда утром поднималась наверх, заметила, что ковровую дорожку усеяли частые, белые следы, очевидно, у грузчиков была пересменка. Один из трех огромных трюмов был уже наполовину пуст, в другом доверху уложены мешки с цементом. И пыль – коромыслом. Расслабленная сетка лежала рядом. Грузчики почти бегом укладывали на нее мешки. Полнехонькая сетка вздрагивала, натягивалась и летела в свинцовое небо.

За бортом тревожно шумело море. Падали вниз и взлетали на волнах плашкоуты. Нагруженные под завязку цементом, уходили в Охотск. Прибывали новые. Катер привез бригаду грузчиков. Я видела, как они лихо, будто преодолевали ступени лестниц в родном подъезде, один за другим поднимались по зыбкому ледяному трапу на борт «Ижмы».

Отыскав главного инженера, он сидел с товарищами из треста в прокуренной каюте, расспросила, как идут дела. Оказывается, бригаду Юртаева собрать не удалось – грузчики уже начали праздновать в Охотске.

От нетерпеливого ожидания, безделья, я готова была сама таскать мешки, лишь бы поскорей вернуться в Охотск. И снова спустилась в уже опустевший трюм, в котором приступили к уборке. Рабочие выметали цементную пыль. Рядом какой-то матрос спрашивал:

- Где здесь врачиха? – я обернулась. Матросик смутился, закашлялся. – Простите, вас капитан приглашает.

В КАЮТ-КОМПАНИИ под сталактитами хрустальных люстр за длинным обеденным столом сидели помощники капитана, механики – человек десять. И все в морских мундирах при регалиях. Капитан со щеткой усов и седыми висками указал на пустовавшее место рядом с собой. До этого мне приносил еду кок прямо в каюту. А здесь так торжественно, непривычно. В большой, с изысканными ручками супнице подали первое.

За столом шел непринужденный разговор. Капитан рассказывал, как лет двадцать назад на «посудине» он в качестве матроса-практиканта сквозь шторм добирался до Охотского морпорта. И продолжал уже о сегодняшнем:

- Итак, стояночное время будет сокращено на 34 часа. – И обращаясь ко мне, спросил: - Вы знаете о том, что товарищи из треста уедут в Охотск завтра утром? Как раз успеют на праздничную демонстрацию. И я бы вам советовал последовать их примеру. Здесь делать нечего. Седьмого ноября к вечеру цемент разгрузят.

- А как же вы без разрешения пойдете во Владивосток?- бесхитростно спросила я.

- Вы меня не поняли. Дадите «добро», выпишите соответствующий документ и спокойно поедете праздновать.

- Значит авансом? – чуть не поперхнувшись компотом, удивилась я. – В ответ капитан утвердительно кивнул, видимо, моя непонятливость начинала его раздражать.

- А вы что, нам не доверяете?

На меня все смотрели с изучающим любопытством. Ждали. «Мне, девчонке, не доверять такому человеку, как капитан, конечно, совестно. Выдать заверенную справку, зачистку трюмов могут произвести и без моего участия. А зачем я здесь тогда вообще? – Эти мысли мигом пролетели. – Нет уж, с икрой маху дала, а здесь полторы тысячи центнеров рыбы». И как можно беспечней заметила:

- Мне торопиться некуда.

Капитан снисходительно улыбнулся:

- Вы, вероятно, недавно работаете?

Наступило неловкое молчание. А капитан, словно и не было этого неприятного разговора, продолжал вспоминать былое. И в заключение поздравил всех с наступающим праздником.

Мысли о несостоявшемся торжестве не покидали. «Девчонки, наверное, меня уже потеряли. Боясь получить отказ, обратилась к капитану с просьбой разрешить дать радиogramму в Охотск. Капитан великодушно согласился, не преминув поддеть: «Вы же сказали, что вас никто не ждет», и уже по-отечески повел в каюту радистов, по пути показал рубку, белую, великолепную, втайне гордясь своим кораблем.

Радисты попросили написать текст. Не долго думая, я вывела: «Ирина, я на «Ижме». Празднуйте без меня. Когда вернусь – неизвестно». И мне стало себя так жалко, что из глаз чуть не брызнули слезы. Но уже тогда мне был известен постулат: от жалости к себе человек слабеет. Взяла себя в руки. Спустилась в трюм.

ВОТ ЕЩЕ ОДИН ДЕНЬ ПОЗАДИ. Пришло 7 ноября. В Охотске сейчас идет демонстрация, гремит оркестр. Люди на площади танцуют, радуются. А будь в Охотске сейчас я, с кем бы пошла на демонстрацию? В Хабаровске все годы ходила со школой, потом с училищем. А здесь, наверное, с трестовскими сотрудниками. Выросшая в городе, я не имела представления, как проходят праздничные демонстрации в маленьком поселке. Следующий праздник будет только в мае. А весной начнется напряженка – сельдевая путина, нужно будет после зимнего ремонта принимать флот, новые цеха. Но я же этого хотела?

К теплоходу подошел празднично убранный «Разумный» с баржей. На палубу «Ижмы» взобрался моряк и, отыскав меня, передал записку: «Вам послание». Неужели девчонки? Не забыли! Ну и связь у Ирины с моряками налажена, понадежней, чем у почтовых голубей: «Катя, у нас все готово. Получили твою радиogramму и расстроились. Нам сказали, что седьмого утром инженеры отчаливают. Вот бы и ты с ними? Постарайся. Мы все тебя просим. У нас все здорово. Достали магнитофон, есть гитара, аккордеон. Марийка уже в Охотске. Ждем. Мы».

А между тем на палубе собрались отъезжающие, побритые, ухоженные, готовые к праздничному застолью в семейном кругу. Главный инженер отвел меня в сторону:

- Уж коль не едете с нами, проконтролируйте все как следует. Я буду спокоен, наш человек остается на «Ижме» до конца. По возвращении получите отгулы за праздничные дни. Ох, забыл, поздравляю с наступившим праздником! – И пожав руку, Николай Степанович лихо оказался на палубе отъезжающего в Охотск «Разумного».

С МОРСКОГО, НОВО-УСТЬИНСКОГО, Пограничного рыбозаводов к «Ижме» потянулись «жучки» с баржами, груженными бочками, ящиками с рыбой. В одном из трюмов «Ижмы», куда я спускалась несчетно раз, уже царила чистота, готовность. И я разрешила загрузку в него рыбы. Но когда спустилась во второй трюм, здесь только начали уборку – цементная пылица до неба, в трех шагах ничего не видно. Двое матросов резво орудовали метлами. Вдруг сверху показалась сетка, полная ящиков с рыбой, и кран опустил ее с грузом в белую завесу. Откуда-то явились грузчики и, деловито подхватив ящики, потащили в дальний угол трюма. Я ринулась за ними и ужаснулась, здесь уже высились аккуратно складированные ящики с рыбой, из-за цементной пыли незаметные издали.

- Кто разрешил грузить? Почему нет стеллажей?

Рабочий с пшеничными бровями козырьком грубо отмахнулся:

- Чего шумите? Старпом приказал. Зачистку трюмов рано или поздно проведут. Не все ли равно, сейчас или по пути к Владивостоку? Пыль – она осядет.

- На пищевой продукт! Им будут травить людей! Я запрещаю погрузку, - гневно вспыхнула я. – Немедленно накрывайте ящики брезентом и подождите, когда приведут в порядок трюм. А я разберусь. – И вместо того, чтобы искать старпома, помчалась вверх, к крановщику:

- Я не начальник, выполняю указания капитана, - равнодушно бросил он.

На капитанском мостике никого не оказалось. Каюта первого помощника закрыта. Нажала плечом на одну из соседних дверей: в темной, просторной комнате огоньки папирос и большой экран. Щелкнул выключатель, свет зажегся, осветил спины сидящих. Все кресла разом крутанулись, и на меня уставились пар двадцать молодых глаз, раздались голоса:

- Э, да к нам гостя.

- Игорь, крути фильм по новой.

- Девушка, проходите!

- Где капитан?

- Отдыхает. Беспокоить не велено.

- Проводите к нему, - потребовала я.

Парень поднялся с кислой миной и, сделав ручкой остальным, повел по длинным коридорам мимо десятка дверей. Когда, постучав, мы вошли в каюту, капитан отложил газету и недоуменно, скрывая раздражение, выслушал мою атаку.

- Кто разрешил грузить рыбу в грязный трюм? Неслыханное безобразие, - наступала я.

Капитан, нахмурившись, молчал. Наконец глухо произнес:

- Где первый? А-а, Митричев на берегу. Пригласите второго, - обратился он к моему провожатому. – Немедленно. Идемте, - кивнул он мне, на ходу одеваясь.

В трюме уже высилась гора ящиков без всякого брезента, на которые густым слоем ложилась цементная пыль. Капитан поморщился:

- Что здесь происходит? — накинулся он на подошедшего помощника, длинного, как жердь, парня. – Почему нарушаете санитарные правила? Вас здесь оставили контролировать, а вы чем занимаетесь?

- Товарищ капитан, - растерянно произнес тот, - была установка максимально сокращать стояночное время. Вот я и разрешил сочетать уборку и погрузку.

- Прекратить погрузку. Всю команду бросить на зачистку трюма. Выполняйте! – он резко повернулся, но я не дала ему уйти:

- Простите, мне придется списать груженную без разрешения рыбу, если вы не дадите указание срочно накрыть ящики брезентом, пока будет проводиться уборка.

Он кивнул головой в сторону помощника, отрывисто бросил:

- Выполняйте указания врача!

Помощник при этом одарил меня таким уничтожающим взглядом, что стало не по себе.

Через несколько минут в трюме появились матросы с брезентом невиданных размеров. Видимо, те самые, что в уютном кинозале смотрели фильм. Они тоже были недовольны непредвиденным заданием и тем, что в своих свежих матросских робах вмиг стали похожи на

мукомолов. Я себя со стороны не видела, было не до того. Боясь подвоха, до конца дня не покидала трюмы. И только вечером написала обычную справку: «Санитарное состояние трюмов удовлетворительное. Выход в море разрешаю. Пом.сан врача Измайлова».

СТОЯЛ СИНИЙ, ХОЛОДНЫЙ ВЕЧЕР, когда попутный катер взял меня на борт. В тесном, грязноватом кубрике было душно, на столе стояли пустые бутылки, стаканы. Матрос кинулся их прятать, оправдываясь:

- Третьи сутки из-за этой «Ижмы» туда-сюда курсируем. И праздников не существует для нашего брата. Конечно, цемент нам нужен, без него ничего не построишь. Вот только начальники лето прокукарекали. В зимних условиях эта работа дорого стоит. Валька! – крикнул он куда-то наверх – Неси блюда свои! Может, откушаете нашего праздничного ужина?

В кубрике появились сначала ноги, а затем и вся она, полная молодая женщина с подносом в руках. Поставив его на стол, вытащила что-то из кармана куртки и, заговорщицки подмигнув, подала мне зеркальце. В маленьком квадратике увидела белые брови, ресницы – вся в цементной пыли. Пошла наверх, умылась, но есть не хотелось. А матрос продолжал рассуждать:

- Через двадцать минут будете в Охотске. Во Дворец культуры или в гости к друзьям отправитесь, а нам всю ночь в море.

У меня оставалась надежда поспеть на торжество. Только вот катер шел медленно. Подходя к Охотску, уже на палубе я видела, как с полуосвещенного пирса в поселок отошла машина с цементом, на которую не успевала. Неужели последняя?

Катер, подхватив баржу, потащился к «Ижме», празднично сияющей на черном стекле воды треугольником огней, к ней жались точечные огоньки «жучков» - там шла напряженная работа. А здесь в порту все было погружено в грозную темноту. Я на пирсе осталась одна. Такого варианта не ожидала. «Как же я попаду домой? Может машина придет?». Но в ответ – гулкая, тревожная тишина.

Штабеля дров, приземистые нагромождения складов отбрасывали черные фантастические тени. Они, казалось, двигались. В народе судачили, что в складских помещениях порта живут огромные крысы, и я не раз давала себе слово проверить досужие вымыслы, да все было недосуг. Я промчалась мимо теней с замирающим сердцем, как хороший стайер. В конторе лишь в одном окошке свет. Блеснула надежда – дежурный даст машину.

В конторе дверь не закрыта, и ни одного человека. Стала звонить главному инженеру. Гудки. Еще гудки и раздраженный голос телефонистки: «Я же сказала, не отвечают».

- Кто здесь по ночам бродит? – я вздрогнула. Пошатываясь, из кабинета вышел парень, наверное, дежурный. Лицо заспанное, деформированное похмельем и очень знакомое.

- С праздником, уважаемый кок. – Да это тот парень с кукольным лицом, которого я видела на танцах, почти что вице-адмирал.

- С праздником, но мне нужно добраться до Охотска.

- Персональную машину изволите? – развязно засмеялся он. – Ну и коки нынче пошли. Лучше по стопарику тяпнем у меня в кабинете, побеседуем на тему любви, я так и быть игнорирую дежурство в честь такой встречи, провожу, - и потянулся ко мне, ухватив за плечи. Я в бешенстве с силой оттолкнула его. – Ишь, цаца, видали мы таких. Шляется здесь по ночам, приключений ищет. Я тебе их сейчас предоставлю, долго вспоминать будешь, - и кинулся с ключом к входной двери. Но я рванулась, и мне удалось опередить наглеца.

С учащенно бьющимся сердцем выскочила из конторы и еще некоторое время бежала, не видя куда. Чернущая ночь. До дома пять километров. Под каблуками скрипит галька. Противоречивые мысли приходили, теснились в усталой голове. А и впрямь, что могут подумать люди, тот же дежурный – праздничный вечер, молодая девка бродит по кабинетам конторы морпорта. А главный инженер тоже хорош. Когда нужна была, привезли как королеву. Мавр сделал свое дело, мавр может уходить. Надо было утром с инженерами уезжать. Кому нужна моя принципиальность, только себе хуже. Девчонки сейчас беззаботные, счастливые отплясывают, а я бреду в одиночестве по глухой, черной дороге, никому не нужная, всеми забытая. И я почувствовала себя такой затерянной, обойденной. И решила: «Пойду домой, просплю все праздники!». Вспомнила свою студеную комнату, стекло, конечно, девчонки не вставили, и мне стало совсем одиноко. К черту такую жизнь. Уезжать отсюда надо. И я воочию представила себе, как мой самолет летит в Хабаровск, а все суда в Охотске - «на приколе», давать «добро» на выход судов в море некому. Пусть!

Тропки разошлись, одна повернула в сторону моря. Рискаю заблудиться, выбрала ее. Нарушая тишину, где-то рядом промчался мотоцикл, на нем звонко пели. «Ишь, горланят!» - с завистью подумала я. А галька под усталыми ногами шур-шур, и ночь – глаз коли.

Углубленная в свои грустные мысли, не заметила, как выплыла луна. Глянула вправо и замерла – море величавое, присмирившее, словно виноватое, сияло мне. И галечный берег заголубел. Тихий, торжествующий лунный луч неотступно следовал за мной. Я быстрее – и он торопился, замедляла шаг – и он лениво плелся. Очень далеко, на рейде миражом посверкивал крохотный треугольник огней «Ижмы». Такой же маленький, затерянный в этом бесконечном пространстве, как и я. «Куда же мне направиться? – думала я. И равнодушно решила: - К Ирине. Войду тихонечко, и буду сидеть незамеченной. Посмотрю хоть, как северяне веселятся».

НА УЛИЦАХ ПОСЕЛКА развивались алые полотнища флагов. Над Охотском плыл праздник. Слышались музыка, песни. Даже светлее стали переулки. У дома Слесаревой стоял мотоцикл. Поднялась на крыльцо и не успела открыть дверь, как на меня кинулись Ирина, Элька:

- Директор прибыл!

- Пропащая нашлась! – Тискали, обнимали. Незнакомые, весьма симпатичные ребята протягивали руки. И я едва успевала сообщать: «Зовут Катя, Катерина».

- А мы только что из морпорта на мотоцикле с Морозовым приехали, - тараторила Ирина. – Тебя встречали. Сначала заехали на «Кухтуй», там по радио узнали, что ты должна быть. Как добралась?

Кто-то сильный и высокий оттеснил толпу и бережно помог снять куртку. Это был Виктор Морозов. Незузнаваемый: в вечернем, строгом костюме он был как молодой бог.

А Эля уже несла туфли на шпильках и платье, которое я отложила для праздника. Потатила меня умываться. На плите что-то шкворчало, дышало пряным, вкусным.

А еще через несколько минут, когда я вошла в комнату, парни, словно по команде, вскочили, уступая место. И по тому, как к моей тарелке потянулось несколько рук, чтобы загрузить ее вкусным, и по тому, с какой ревнивой завистью в этот момент глядели на меня девчонки, путь от пирса до Охотска показался безмятежной прогулкой, а трехдневное пребывание на «Ижме» - таинственно замечательным, как в доброй сказке.

И хлопали пробки шампанского. Над побережьем плыла наша песня: «Так вот она какая, Охотская земля».

(Охотск, Хабаровский край)

Интернет-ресурс: екатерина-рудик.рф